

Ключевые слова: визуальная культура, коммуникация, экран, мобильный телефон, публичная сфера, приватное пространство, виртуальная реальность, урбанистическое медиапространство.

Сальникова Екатерина Викторовна
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник,
Государственный институт искусствознания (Москва)
k-saln@mail.ru

Keywords: visual culture, communication, screen, mobile telephone, public sphere, private space, non-place, virtual reality, urban media space.

Salnikova Ekaterina Viktorovna
PhD in Cultural Studies, The State Institute for Art Studies
(Moscow)
k-saln@mail.ru

САЛЬНИКОВА Е.В.

Феномен мобильных экранов. «Интимная» коммуникация

Автор размышляет о современных трансформациях публичной сферы и медиапространства повседневности. Мобильный телефон оказывается важным центром и публичного, и приватного пространства. А пользователь мобильного телефона становится живой территорией транзитов, символом тотальной трансмиссии современного мира. Статья анализирует эволюцию предметов, принадлежащих интимному кругу коммуникации. После эры телесно-сексуальной доминанты наступает период духовной доминанты. Рассматриваются возможности мобильного телефона инициировать формирование новой психологии, образа жизни, повседневных ритуалов.

SALNIKOVA E.V.

The Phenomenon of Mobile Phone. Intimate Communication

The author reflects on the contemporary transformation of the public sphere and urban media space of everyday life. The mobile telephone appears to become an important centre both of public and private spaces. Moreover, the user of mobile phone is an organic territory of «non-place», the symbol of total transmissions of nowadays world. The article deals with the evolution of the intimate circle of communication and the things included into the circle. After the era of body-domination (things for hygiene and dressing procedures) and sex-domination (fans, compact powder, walking sticks, pipes, etc.) the period of soul-domination begins (prayer book, secular book, diary, music player, portable camera, pager, mobile phone). The permanent communication with a mobile phone can create a new psychology of a person, a new way of life and its rituals.

В ходе современных исследований урбанистической среды становится очевидно, что маленькие и большие экраны сопровождают теперь людей повсюду. Они определяют вид повседневной среды обитания и режимы коммуникации [Jewitt, Tiggs, Kress 2007, p. 9]. В нашей предыдущей работе, «Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века» (М., 2012), мы пришли к выводу о том, что в современной цивилизации полиэкранная медийная среда создает особую атмосферу большого города. «Доминирующим оказывается движение углубления, внедрения, дистанционного погружения воспринимающего с помощью взора и сознания в тот мир, который заключен внутри волшебной коробочки и вне которого находится человек смотрящий. Неважно, куда смотрит теперь глаз человека – вверх или вдаль. Он смотрит внутрь корпуса, где живут отображения мира или миров, реальных или фантазийных, находящихся высоко или низко, далеко или близко, не принципиально. Глаз смотрит в объектив фото- или видеокамеры, в экран телевизора или компьютера, в экранчик банкомата, мобильного телефона, навигатора или чего-либо иного» [Сальникова 2012, с. 460]. Иными словами, мы обитаем в тотальной зоне переходности между посюсторонним трехмерным пространством, доподлинной социальной реальностью и погусторонним, внутриэкранном пространством, где обитает бесплотная визуальная образно-информационная материя.

Идет умножение именно тех экранных систем, которые подразумевают возможность восприятия их контента без «выключения» окружающей реальности. Выключение может происходить, к примеру, с помощью гаснущего света, что необходимо для кинопросмотра, или, как стало принято со второй половины XIX века, в театрах (впрочем,

не во всех и не всегда) (см.: [Куттлер 2009, p. 190–195]). Это говорит о том, что современный человек дорожит именно своей симультанной подключенностью и к посюстороннему бытию, и к внутриэкранному миру. Ни уходить всецело в заэкранную виртуальность, ни оставаться один на один исключительно с окружающей реальностью, достигаемой для прямого физического взаимодействия, современные люди не желают.

Совершенно очевидно, что обозначенная модель – активность окружающей реальности с активностью множественных порталов входа в полифункциональные экранные миры – создает дополнительный уровень публичности. Определим его как виртуальную публичность, или дистанционную публичность, которая теперь может включаться по индивидуальному желанию индивида и сопровождать его где угодно и сколь угодно долго, будучи заключенной в корпусный экранный носитель. Наличие этого альтернативного уровня публичности может по-разному изменять общую картину мира, в которой существует индивид.

В случае если в окружающем индивида пространстве нет элементов публичности (например, он находится один или в узком кругу самых близких людей у себя в квартире, коттедже, на даче), экранные средства могут восполнять отсутствие традиционной публичности с помощью внедрения в окружающую индивида среду элементов виртуальной дистанционной публичности.

Возможно, индивид пребывает в одиночестве или в узком кругу близких – но на чужой или нейтральной территории, то есть в публичном пространстве, будь то пустое кафе, номер отеля, пустынная улица, лифт и пр. Экранные средства могут виртуально «анимировать» публичное пространство, если они транслируют аудиовизуальные образы, связанные с большим миром.

Будучи вооружен экраном (и тем более мобильным экраном), современный человек уже не столь неминуемо зависим от реального публичного пространства. На городской площади, в городском транспорте, в галерее искусства и т.п. люди могут сохранять погруженность в свой экранный мир на том или ином электронном носителе.

Теперь человек способен регулировать качество и контент виртуальной публичности и уровень собственной включенности в публичность традиционную, посюстороннюю и реальную. Как справедливо замечает Ф. Тонкисс, это в известной степени снимает

акцент, к примеру, с такого существенного понятия, как «одиночество в толпе», «одиночество в городе» [Tonkiss 2005, p. 16], разобщенность индивидов, попадающих в те населенные пункты, которые не являются для них стабильным местом проживания, и т.д. Помимо всевозможных объединений, сообществ в их традиционном виде, имеет место идентификация по интересам или еще каким-либо признакам с помощью Интернета, виртуальных социальных сетей. Если раньше не существовало эффективных возможностей почувствовать себя в единстве с неким человеческим множеством, не встречаясь с ним в одном реальном пространстве, то теперь, в эпоху Интернета и все более повсеместной системы wi-fi, такие возможности имеются. И одиночество индивида видится уже не столь социальным, и не так прочно связанным с ситуацией пространственной изоляции от своего/своих сообществ.

Одиночество даже начинает по-новому цениться, поскольку становится все менее и менее достижимым в прямом смысле – хотя бы как одиночество в толпе внутренне чуждых или толпе просто незнакомых людей. Ведь, находясь в таких толпах, у человека все больше возможностей выходить на связь или продолжать быть на связи с теми знакомыми, родными и близкими людьми, которые требуют общения различных типов, по различным поводам и с различной степенью эмоциональной и интеллектуальной активности.

Современный индивид создает некую «личную модель» публичности как игровой ситуации. Тело человека и какая-то часть души остаются в традиционном публичном пространстве, а другая часть души вместе с направленностью взгляда и, часто, слуха устремлены и, быть может, даже мысленно переносятся в пространство виртуальной публичности. То есть человек выступает как пограничная «территория»; на него «нанизываются» два и более миров, образуя целостную, хотя и многомерную среду.

И если соглашаться с концепцией актуализации так называемых транзитных, переходных пространств в современной среде, «non-lieu», как определяет этот феномен Марк Оже [Auge 1992, p. 78], то пора обратить внимание на то, что теперь уже сам человек становится такой переходной территорией. Вооруженный мобильным экраном, он может мысленно пребывать в режиме «нигдежности» – и при этом активно существовать в двух и более мирах. Тем, кто располагает

рядом с ним в реальном пространстве, очевидно, что человек «отключен» от них и от окружающего мира: углубившись в контент своего экранного устройства, он куда-то переносит свои мысли и эмоции, душой он не здесь. Тем, кто ведет с ним общение по мобильной связи, понятно, что их партнер по диалогу физически не присутствует в их жизненной среде. «Вы в контакте, но не вместе», как пишет с некоторой поэтической меланхолией Нанна Верхофф [Verhoeff 2013, p. 126]. Человек зависает где-то между мирами, где-то между группами общения, в виртуальной личной «выгородке», несколько ослабляющей социальную мобилизованность и диктат внешнего мира.

Публичность как таковая утрачивает прежние ясные очертания и смыслы. Фиксация упразднения «публичной сферы» как пространства демократии, в понимании Ю. Хабермаса [Habermas 1991], является общим местом современных западных исследований [Fraser 1992, p. 65–70; Polyak 2014, p. 50].

По всей видимости, публичность деполитизируется – во всяком случае, в традиционном представлении о политике как роде публичной деятельности. И это при том, что политические акции могут регулярно происходить на площадях и улицах, в зданиях публичной функциональности современных городов. Однако, как пишет Тимоти Люк, большинству обитателей больших городов уже понятно, что «структуризация будущего происходит не прямыми средствами и незаметно в исследовательских лабораториях... а не в парламенте или политических партиях» [Luke 2003, p. 171–172]. Или, как наотмашь формулирует Ульрих Бек, нет больше ни политики, ни аполитичности, актуально лишь «экономически направляемое действие, преследующее некие интересы» [Beck 2006]. Атмосферу современного большого города задает разрастание пространств внеколлективной, неупорядоченной, децентрализованной, деидеологизированной публичности.

Параллельно с публичностью, существенные перемены претерпевает и приватность, что точно уловлено Кристиной Слейд в ее формулировке «глобальное приватное пространство», характеризующееся как воображаемое, умозрительное, тотально рассеянное [Slade 2006, p. 96]. Как нам представляется, в начале XXI столетия наступает эра взаимопроникновения публичного и приватного пространств, их сосуществования в рамках единого пространственного целого.

Рассмотрим один из аспектов бытия этой территории, а именно взаимоотношения человека с мобильными экранными средствами. Для начала попытаемся понять, в каком вещном контексте оказывается мобильное экранное устройство и каковы параметры его взаимодействия с человеком.

Совершенно очевидно, что есть стабильный круг предметов, вплотную примыкающих к индивиду и, как правило, требующих одной или двух рук для удержания их в процессе использования. Само же использование предполагает тесный контакт предмета с рукой и с какой-либо частью тела пользователя. Стало быть, рука должна быть согнута, полусогнута и направлена человеком в сторону самого себя. Этот круг предметов мы условно обозначим как интимный. В нем можно выделить три уровня.

Первый уровень интимного круга – зубная щетка, емкость для полоскания рта или для питья (кружка, чашка, стакан, бокал), ложка, вилка, зубочистка, сигарета, сигара, папироса, курительная трубка, ушная палочка, глазные линзы, спрей для носа, средства женской гигиены, то есть те небольшие по величине предметы, которые могут соприкасаться с определенными участками тела или в какой-либо степени проникать в полости человеческого тела. В первом уровне интимного круга прослеживается оральная доминанта.

Второй уровень того же интимного круга – губная помада, пуховка пудры, кисточка для теней, кисточка для бритья, тампон для снятия макияжа или нанесения на лицо каких-либо косметических средств и сами косметические средства, губка/мочалка, очки, шейный платок, носовой платочек, салфетка, парик, головной убор, носки, чулки, колготки, нательное нижнее белье, полотенце, маникюрные ножницы, пилочка для ногтей, расческа – то есть предметы, тесно соприкасающиеся и взаимодействующие с поверхностью тела, прежде всего головы и шеи. Второй уровень интимного круга имеет не ярко выраженную, но все-таки присутствующую *face*-доминанту.

Так было не всегда, поскольку прежде предметов, относящихся к интимному взаимодействию с индивидом и касающихся не только лица, головы и шеи, но и остального тела, было несколько больше (см. подробнее: [Perrot 1994, p. 143]). И применительно к XIX веку, например, правильнее говорить о *body*-доминанте.

Как показывает Джеффри Джонс, к рубежу XIX–XX вв. красота и чистота подаются как двуединство, образующее идеал современного общества западного типа, при этом чистота как таковая часто интерпретируется как непременная новомодная составляющая красоты, и эта формула воплощается в активной популяризации мыла, крема для бритья, а позже – все более разнообразных средств гигиены [Jones 2010].

Ранее ко второму уровню интимного круга могли быть причислены мушки, парики, перчатки, чулки и, возможно, помимо белья еще накрахмаленный воротник и корсет. За период модернизации костюма и повседневности от XVIII до XX в. уменьшилось количество предметов одежды, находящихся в длительном тесном контакте с большими участками поверхности тела. Уходят в прошлое непременные ранее лифы, корсеты, нижние сорочки, юбки, панталоны. Нательное белье, которое человек носит большую часть суток, становится все более эфемерным и обволакивает все меньшие участки тела. Зато неуклонно растет количество общеупотребимых средств гигиены, взаимодействие с которыми занимает сравнительно краткие сеансы. Универсальной гендерной актуальностью продолжают обладать губка, большое полотенце и махровый халат, которые используются в ходе «водных процедур».

И сегодня, и в предшествовавшие периоды очевиден уклон интимного круга вещей в физиологическое обслуживание индивида, подразумевающее в том числе немало процедур, требующих полного уединения или хотя бы максимально возможное сокращение круга потенциальных зрителей, присутствующих при процедуре. За пределы чисто физического обслуживания/самообслуживания человек мог выходить в процессе как приватного, так и публичного «общения» с предметами третьего уровня интимного круга, будь то табакерка, шкатулка, зеркальце, веер, трость, зонтик, четки, монокль, театральный бинокль, очки, портмоне, карманные часы. Значительно позже среди предметов-партнеров появляются портсигар, пудреница с зеркальцем, «черные» очки от солнца, наручные часы.

Цитаделью духовно-личностного начала во взаимодействии с предметным миром сначала являлся личный молитвенник, позже – личный дневник и светская книга, которые формально можно отнести к тому же третьему уровню интимного круга вещей.

Разнообразие внешних форм и фактур, очевидное в случае всевозможных вещей интимного круга, книга заменила относительным единообразием формы, постепенно достигая аскетизма в решении фактуры переплета. Уходили из обихода дорогие материалы – кожа, бархат, шелк, драгоценные камни, пряжки и замочки; на сегодняшний день осталось в основном золотое тиснение. Книга все менее форсировала свое предметное начало, переносила акцент на то вербальное богатство смыслов и форм, которое являл сам текст. Из роскоши, доступной для немногих, за века своего существования книга превратилась в повседневный атрибут образованного человека.

В отличие от вещей физиологической доминанты и большинства предметов третьего уровня интимного круга книга – носитель внеинтимного информационно-образного поля, часть большого мира творческих процессов. Книга предполагает высокую длительность взаимодействия с ней. В XX веке к книге прибавились фотоаппарат и аудиоплеер, однако до недавнего времени книга оставалась тем предметом духовной доминанты, принадлежащим интимному кругу вещей, взаимодействие с которым происходило наиболее регулярно. Отход от книжной культуры, особенно у молодежи, наметился во второй половине XX века. В какой-то степени книгу попытался заменить аудиоплеер. Однако тотального распространения эта тенденция, как нам представляется, не получила. Другим предвестником нынешнего бума индивидуальных средств трансляции и хранения аудиовизуальных образов стал легкий компактный и простой в обращении фотоаппарат с символическим прозвищем «мыльница». «Мыльница» отсылала к ассоциациям с тем кругом предметов, аналогичных по фактуре, форме, элементарности обращения, который как раз и относился к слою относительно интимных компактных вещей. Однако монофункциональность «мыльницы-для-души» делала заведомо ограниченными периоды ее использования.

Вероятно, прежде чем разразился нынешний бум мобильных малых экранов, подспудно нарастало «духовно-информационное голодание» в сфере интимного предметного взаимодействия. Небумажных носителей информационно-образных блоков, рождающихся в разомкнутом публичном пространстве и воплощающих рефлексию об этом пространстве, носителей, которые можно было бы взять в руки, положить в карман, потерев и повертеть в руках, достать

в метро, на уроке, в поезде, в автомобиле, в офисе, на улице, в гостях, в одиночестве, – везде и всегда, их не то чтобы не было совсем – не было таких, которые самой своей структурой оправдывали бы частое, ежедневное, длительное и многообразное взаимодействие с ними современных людей разного пола и возраста, уровня занятости, социального статуса, разных предпочтений и потребностей.

В последнее же время все мы являемся свидетелями формирования и разрастания нового слоя предметов, которые тоже могут быть причислены к духовной доминанте интимного круга. Они тоже располагаются сплошь и рядом в полусогнутой и сильно согнутой руке, прижимаются к уху, на них часто нажимают и по ним часто проводят пальцем. Эти предметы находятся в тесном взаимодействии с телом человека, в особенности с руками и головой, а точнее, с руками, ушами и глазами.

Сначала монофункциональные плеер и фотоаппарат потеснил пейджер. Потом и пейджер был вытеснен, в силу своей, опять же, монофункциональности и несамодостаточности функционирования.

Если ранее человек использовал вещи интимного круга для коммуникации с самим собой, для подготовки своей телесной оболочки к выходу в большой публичный мир (психологическое самонастраивание на определенный стиль жизни и деятельности с помощью гигиенических и косметологических процедур), то теперь на первый план выходит духовная составляющая с бестелесным восприятием образов и информации. И пользователь мобильной электроники попросту отключается от проблем, связанных с телом.

Очередь к кабинету врача и косметолога (как и многие другие очереди) теперь имеет далеко не тот вид, какой был ей свойствен всего лишь десятилетие назад. Вместо людей, вынужденно бездействующих, сидящих с унылыми или напряженными лицами или вяло листавших журналы, мы можем видеть ряд персон, погруженных во взаимодействие со своими телефонами, планшетами и т.п., эмоционально отключенных от окружающей реальности поликлиники, клиники, косметического салона и пр.

Мобильные экраны нивелируют множество гендерных различий, будучи продолжением моды «унисекс» и стиля жизни «унисекс». Мальчики и девочки всех возрастов, девушки и молодые люди, мужчины и женщины различных возрастных категорий и социального

статуса в равной степени сегодня увлечены повсеместным использованием мобильных экранов. Последние абсолютно одинаковы для обоих полов и одинаково многообразно реализуют потребности мужского и женского начал. И лишь их оформление, да и то не обязательно, может нести в себе более или менее демонстративные черты мужественности или женственности. Этот гендерный универсализм или игнорирование гендерности несколько ослабляет сконцентрированность на гендерных вопросах, характерную для XX и начала XXI в. Эфемерная вещность мобильных устройств не столько отсылает к телесному началу, сколько побуждает мысленно осуществлять синтез символизации мозга и глаза, мира внутреннего и окружающей человека бесконечной вселенной. (В то же время мобильная электроника может акцентировать возрастные различия и финансовые возможности пользователей, что требует уже, скорее, социологического анализа.)

Итак, в повседневности воцарились мобильный телефон, смартфон, айфон, планшет, айпад. Они либо находятся у пояса, в специальном футляре, либо прижимаются к уху, висят на груди, располагаются в согнутой руке/обеих руках. Нередко они снабжаются маленькими наушниками, которые «врастают» в ушные раковины пользователя. Человек может проводить с этими предметами манипуляции, которые способны занимать гораздо более долгое время, нежели чистка зубов, выпивание чашки напитка, выкуривание сигареты, принятие душа и даже ванны.

Оформляется ближний круг мобильных средств, предназначенных для манипуляции с аудиовизуальными формами. Это – источники мобильной «духовной пищи», интимного комфорта, развлечения, оперативной реакции на рабочие или домашние обстоятельства. Это также и средства общения, саморефлексии (фото-selfie, ведение мобильного дневника), самоконтроля (напоминалки, будильник, календарь, калькулятор и пр.). Иными словами, мобильные средства интимного круга сегодня полифункциональны и отвечают как за коммуникацию с живыми субъектами, так и за манипуляцию аудиовизуальными материалами, принадлежащими большому миру или «личным коллекциям» обладателя. Сеансы взаимодействия с такими предметами удлиняются и не предполагают непременно уединения. Напротив, ощущение уединенности и погружения в свой мир

возникает – с помощью активного взаимодействия с мобильным телефоном, к примеру, – в любой публичной среде. Происходит совмещение интимного и приватного контекстов с публичным пространством, с работой, официальным общением.

Популярность мобильной электроники говорит об увеличении потребности в симбиозе приватности и публичности, в возможностях создания «ниши» приватного мира в дебрях публичного и чужого пространства, которое тем самым одомашнивается психологически, без нарушения его жизни, его правил общественного поведения и пользования.

Физическое взаимодействие с поверхностью экранного устройства, с самой поверхностью экрана призвана компенсировать тот недостаток активного физического взаимодействия с орудиями труда, которые, как описывал этот процесс Бодрийяр, требовали ранее от человека значительных физических усилий и составляли разновидность символического сексуального взаимодействия, что приводило к некоторой разрядке внутренней эмоциональной напряженности человека, позволяло ему совершить некий энергетический сброс. Потом, по точному наблюдению Бодрийяра, эта система отношений с вещами была заменена легкими касаниями [Бодрийяр 1995, р. 40]. С помощью кнопок человек, скорее, задавал программу действий умному механизму, и тот далее действовал уже самостоятельно. Человек же оказывался в большей степени модератором деятельности механизмов, нежели собственно физическим актором. Сбросить энергию, включая стиральную машину или ставя емкость с пищей в микроволновку, невозможно.

Человек дистанцировался от предметного мира, и, казалось бы, эпоха активного и длительного физического взаимодействия с необходимыми в повседневности предметами осталась навсегда в прошлом. Чтобы оказаться перед необходимостью затрачивать ощутимые физические усилия, заставляя предмет «работать», человек должен был отправиться в тренажерный зал, заниматься экстремальными видами спорта, экстремальным туризмом и т.д.

Но вот в начале XXI века наступила эпоха мобильной экранной электроники, словно отвечая на беспокойство Бодрийяра процессами дистанцирования человека от предметного мира. К нажатиям кнопок добавились разные режимы вождения пальцем по экрану.

Это значительно расширило и упрочило поле физического контакта человека и предмета. Однако никакого возвращения бодриаровской «жестуальности труда» не произошло. Обращение с мобильными экранами являет собой, скорее, завуалированную, утепленную теснотой общении с предметом, но снова все ту же «жестуальность контроля».

Использование мобильных экранов имеет весьма широкие границы возможностей, так как визуальная составляющая теперь доминирует, не требуя специальных средств изоляции (в отличие от звуковой составляющей). Хаотичного перекрывания разных потоков визуальной образности не происходит, так как они распределяются по разным экраным системам и сегментам окружающего пространства, не смешиваясь друг с другом, но лишь сосуществуя, создавая атмосферу и обстановку современной публичной пространственной среды.

«Интимная» коммуникация создает иллюзии карманного, «ручного» мироздания, многообразно и непосредственно управляемого руками индивида. Здесь уже нет посредников и свидетелей из числа других предметов, зато есть некоторый паритет дистанцированности от экранной реальности, с одной стороны, и физической активности контакта с самим экраном – с другой. Все, что показывает и делает мобильный экранный гаджет, он делает «only for you», как бы напрямую, по кратчайшему пути транслируя свои образно-информационные флюиды в поле зрения, в зону бесед без повышения голоса, в зону тактильных ощущений индивида. И через сумку, портфель или рюкзак, и через поверхность стола индивид может уловить вибрацию беззвучного режима своего телефона. Телесность мобильного гаджета и его нарастающая полифункциональность делают сам физический контакт с ним привычкой, если не сказать больше – манией. Легкая психофизическая зависимость от мобильного призвана хотя бы немного уравновесить зависимость в другом смысле слова – глубокую социоэкономическую зависимость индивида от более далеких и непредметных явлений вроде макроэкономических процессов, политических коллапсов, состояния рынка занятости, разного рода конъюнктурных перемен и пр. Большой мир то и дело проявляет себя враждебно по отношению к отдельному индивиду и отнюдь не всегда позволяет тому строить свой приватный и интимный мир так, как хочется. А мобильный экран, как верный слуга и спутник, ориентирован на своего хозяина.

Современное мобильное электронное устройство, нередко более плоское и компактное, чем, скажем, гамбургер или кусок пиццы, наминает своими очертаниями, скорее, шоколадку или печенье. Но в его недрах могут теперь помещаться все тайны внутреннего мира индивида, все бескрайние просторы документальной и вымышленной реальности, подключения к которой жаждет пользователь. Мобильный телефон, сегодня все чащеменяемый на смартфон и айфон, явился комплексным вариантом сразу многих явлений старого мира. Он заменил обычный телефон, записную книжку, потом «пейджер» и, наконец, «все остальное». В нем можно хранить довольно большое количество изображений, видеоматериалов, документов, а также создавать все новые и новые и к тому же пользоваться с его помощью всеми возможностями Интернета. В результате это уже не только телефон, а мобильный семейный и дружеский альбом, интимный дневник, досье, хранилище тайных документов, магнитофон с любимыми мелодиями, почтовый ящик, интернет-портал.

То, что раньше было разведено по разным углам комнаты, по разным полкам книжного шкафа или ящикам письменного стола, а то и разным зданиям (дом, рабочее место, междугородный переговорный пункт, банк, архив и т.д.), теперь помещается в одном и том же маленьком плоском корпусе. Если раньше человек мог носить с собой одну или две особо дорогие фотографии или вещицы, которые скрепляют его связи с семьей, дорогим человеком, значимым общественным учреждением, то теперь массив контента личного мира, подлежащего транспортировке, принципиально возрос.

В принципе человек может носить с собой все символические образы, которые ему дороги и должны его «греть» в трудные жизненные минуты, а также представлять за человека в процессе его коммуникаций. Классическая мизансцена современного общения – две головы, склонившиеся над одним или сразу двумя мобильными экранчиками. Каждый из партнеров по общению показывает нечто, дорогое и ценное для него, что характеризует его пристрастия, его образ жизни, его опыт и пр. О себе все чаще не рассказывают, а показывают элементы того, что служит презентацией мира личности. В виде визуализированных образов, теней и дубликатов настоящих вещей, фотографий эпохи доцифровой съемки, нарисованных от руки рисунков и пр. Личный мир фланирует по публичному пространству

вместе с человеком, обнаруживая себя по мановению руки своего обладателя.

Личный мир индивида визуализируется, аудиализируется, становится мобильным, но попутно он дематериализуется. И если раньше он являл собой предметно-пространственную среду, внутри которой мог в некоторые периоды жизни находиться человек, то теперь человек периодически находится еще и перед своим мобильным личным миром, напротив него, вернее, напротив его визуальных компактных оттисков.

Современный человек склонен привязываться к своим гаджетам и испытывать к ним сложный комплекс чувств. Их «одевают», как кукол, покупая разнообразные красивые чехлы, футляры, мешочки и пр. Им устраивают «домик» или «переноску», приобретая специальные подставки и сумки. По ним скучают в те периоды, когда по каким-либо причинам нельзя ими пользоваться – к примеру, во время полета на самолете, похода в посольство, пребывания на уроках и лекциях строгих преподавателей. К ним испытывают чувство вины – за отсутствие своевременной подзарядки – по типу «Ну вот, опять я тебя не покормил». При всех элементах отношения к мобильному экрану как к питомцу, весьма относительно подлинная иерархия взаимоотношений мобильной электроники и ее владельцев. Кто тут кому хозяин, кто кем руководит и кого себе подчиняет – это всякий раз нерешенные вопросы. И если Поль Вирильо приводил высказывание Пауля Клее – «теперь уже не я, а вещи на меня смотрят» [Вирильо 2004, с. 106], то на новом витке развития визуальной культуры айфон смотрит на пользователя, общается с ним, требует от него соответствия своей многоуровневой системе, ждет способностей формировать задания и использовать многообразие функций, то есть загружать работой, подстраивая уровень своих потребностей и фантазий под новый, все возрастающий уровень технических возможностей. Человек постоянно рискует оказаться начальником, который менее продвинут, нежели его подчиненный. Мобильные телефоны новых поколений, хотя и могут способствовать расслаблению, на самом деле в не меньшей мере мобилизуют человека, как бы оспаривая у социума и государства прерогативу быть мобилизующей силой для индивида. Таким образом, мобильный экран создает эпицентр сразу двух систем – приватной, интимной, в которой прочна связь человека и его питомца, любимца,

партнера, волшебного помощника, с одной стороны, и социальной – с другой, в которой между отдельным человеком и человеческими множествами располагается технический посредник, альтернативный хозяин, воплощающий власть цивилизации и современности, параллельную государственной и общественной власти.

Растущая частота и интенсивность взаимодействия с экранными устройствами или частота восприятия экранной реальности выступает как завуалированная самоадаптация человека к «обществу риска» [Beck 2006], в котором контроль за происходящим на самом деле чрезвычайно затруднен, хотя обилие экранов и камер наблюдения создает иллюзию идеального постоянного и повсеместного контроля за реальностью.

Поскольку сеансы взаимодействия с мобильными устройствами первого интимного круга все удлиняются, а функции этого взаимодействия все разнообразнее, спектр все шире, то и привычка строить свою повседневную жизнь с учетом мобильных экранов все прочнее приживается в современной психологии.

Современный человек приучается строить свое мировосприятие трех-, если не четырехэтапно. Первый этап – непосредственное восприятие каких-либо явлений внешнего мира, которые могут быть расценены как важные, актуальные для индивида и нуждающиеся в запечатлении. Второй этап – выбор технических параметров запечатления, восприятие реальности в процессе ее запечатления и «сохранения» в недрах мобильного устройства. Третий этап – восприятие запечатленной реальности в отрыве от нее самой, с тем чтобы вызвать в себе определенные воспоминания, эмоциональные импульсы, размышления. Мобильное экранное устройство – это, как правило, механизм воздействия на собственную душу. Четвертый этап – шлейф этого воздействия, этих эмоциональных импульсов, воспоминаний, размышлений, который человек переживает уже после того, как мобильное устройство выключено, сеанс восприятия его содержимого завершен.

И что тогда венчает эту лестницу мировосприятия? Пожалуй, возвращение актуализированных, акцентированных эмоций внутрь духовного мира индивида, не подключенного в данный период ни к носителю воздействующих образов, ни к той реальности, которую они фиксировали. Но это не вершина многоступенчатого

восприятия, а, скорее, «пауза», пустая временная ниша, в рамках которой индивид ни на что не опирается, кроме своего сознания и подсознания. Однако пребывание в подобной нише не бывает слишком длительным. Человек возвращается к какой-либо из уже прожитых, пройденных ступеней, притом, возможно, далеко не к самой первой, а сразу к третьей.

Мобильное устройство принимает роль экстерниоризированного сердца. Импульсы и флюиды от него ведут к душе воспринимающего пользователя. Тем самым миниатюрное мобильное устройство с экраном и разнообразными функциями невольно сакрализуется. Особенно это очевидно в ситуациях туризма – паломничества к святыням, когда пользователь мобильного телефона с видеокамерой или цифрового фотоаппарата, нередко не выпуская из рук своего гаджета-сердца или же повесив его на шею, крестится, кладет поклоны, даже падает ниц и простирается, с благоговением целует сакральные предметы или элементы интерьера храма, а потом запечатлевает это святое место на свою мобильную электронику. После же – просит кого-нибудь, часто незнакомых людей, взять его мобильник или фотокамеру и запечатлеть уже его самого на фоне этого места, в тесной близости с какими-либо сакральными предметами или изображениями. Таким образом, поведение, приличествующее глубоко верующему и поклоняющемуся, совмещается у одного и того же человека с психологией туриста, отдыхающего, фиксирующего свою формальную, сугубо внешнюю и краткосрочную причастность святому месту или предметной святыне.

Чем более глобальным мировым значением обладает храм, чем более людным центром паломничества является местность, тем более флегматично и терпимо относятся к подобной деятельности служители святого места, даже иногда помогают удобнее расположить мешающую ручную кладь, выбрать более правильную мизансцену для съемок, как то делают в Храме Рождества Христова в Вифлееме. Мобильная экранная техника де-факто становится дистанционным «касанием» святыни взглядом, дистанционным хранилищем сакральных образов и доказательств личной внешней причастности пользователя к ним. Во временном передоверении своей техники другому человеку – жест доверия, преодоления своей атомизированности, готовность разделить с другим индивидом значимость момента, важность пребывания перед

святыней и создание визуального образа-импульса к многократной активации переживаний в будущем.

В профанной будничности ситуация прилюдного взаимодействия индивида с личным электронным устройством окрашена иными красками. Нередко процессы интимной переписки, частного общения с удаленным реципиентом, индивидуальное творчество, рабочие процессы происходят на виду у посторонних, и все-таки абстрагированы от них. Наличие посторонних подсознательно игнорируется, как игнорируется наличие камер наблюдения. Посторонним автоматически сообщается статус невидимых людей; активный пользователь мобильного экрана психологически «выключает» посторонних, как ненужные гаджеты. А те в свою очередь находятся в состоянии вынужденного подсматривания, поскольку чужой мобильный экран находится в радиусе их поля зрения. Наблюдение за взаимодействием посторонних людей со своими порталами выхода во вторую реальность становится стабильной ситуацией повседневности. Невольный реципиент чужой виртуальности – новая социокультурная роль нашего времени.

Однако наличие посторонних свидетелей индивидуальной активности, адресованной отнюдь не окружающим людям, игнорируется прежде всего на психофизическом уровне пользователя. Дом там, где твой сотовый телефон, айпэд или что-то в этом роде. Дом там, где есть возможность воспринимать образно-информационные послания и транслировать их, создавать их с помощью личного гаджета. Блуждающая зона приватности, дрейфующий вместе со своим хозяином-пользователем портал связи со второй реальностью – типичная ситуация наших дней. Комфорт на сегодняшний день означает уже не «все удобства», не уют, удобную мебель или «стильный дизайн», но интегрированность того или иного клочка пространства в общую глобальную систему коммуникаций.

Сама зона приватности при этом может становиться весьма небольшой, похожей на невидимую и физически никак не зафиксированную в своих границах подразумеваемую территорию – это человек со своим экранным устройством, то пространство, которое они занимают. Их можно касаться (к примеру, проходя мимо занятого столика на food-court), можно случайно толкать, «зажимать» между другими людьми (в давке общественного транспорта). Однако при наличии этой зоны важны уже не юридические права на нее, не фикс-

сированный адрес в географическом пункте, не простор территории, не прочность и очевидность ее внешних границ. Всего этого может не быть. Это – не дом, не адрес, не улица, не населенный пункт, не комната, даже не фрагмент какого-либо интерьера, но сама стойкая взаимосвязь двух составляющих, образующих «двухчастное зерно», «двухчастное ядро», «человек + мобильное экранное устройство».

Речь идет о чем-то нематериальном, нестабильном, официально недекларируемом, эфемерном, однако в реальности очень важном для современного самочувствия. Сам человек создает себе энергетические векторы приватности – создает в любом пространстве и в любой ситуации, которая позволяет ему внутренне, мысленно, эмоционально концентрироваться на своем мобильном экране. Что не отрицает и способности эмоционально и интеллектуально отключаться от него и смотреть вовне, в окружающее пространство – как будто из окна, или с балкона, из своей невидимой «ложи», каковой является сама мизансцена «человек + мобильное экранное устройство».

Если еще недавно в качестве типичного примера «ритуализированного поведения перед электронными объектами» приводился сбор семьи перед телевизором или компьютерный терминал именовался очагом высокой концентрации напряжения [Grimes 2006, p. 4], то приметой сегодняшнего дня становятся индивидуальные и внесемейные ритуалы, связанные не с телевизором и даже не со стационарным компьютером, а с мобильной электроникой: проверка электронной почты, просмотр новых постов «ленты друзей», обмен поздравительными sms-сообщениями, совместный просмотр видеоконтента с другом/подругой, и многое другое, что можно делать очень часто и практически везде, независимо от семьи и любого коллектива.

Приметой нашего времени, середины 2010-х, может служить тотальная мобильность: человек идет по улице, вокруг него все движется, едет, мелькает, в том числе мелькают изображения на больших городских экранах. А в руке у человека мобильный маленький экран, внутри которого тоже мелькают и струятся картинки. В свой экран индивид смотрит, с ним и посредством него он общается, а также осуществляет навигацию, распознает объекты территории, по которой передвигается. Перманентное моделирование личной публичности-приватности становится излюбленным режимом бытия современного человека. Без отмены теперь уже «классического» симбиоза

чистоты и красоты в качестве новомодного идеала современности утверждается симбиоз не качеств, но возможностей – развлечения и работы без границ, симбиоз информированности и интегрированности, симбиоз визуального, вербального и звукового. Симбиоз активности и пассивности субъективной самореализации. Симбиоз маленького магического предмета и ауры большого мира.

Список литературы

- 1 Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- 2 Вирильо П. Машина зрения. СПб., 2004.
- 3 Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. М., 2009.
- 4 Сальникова Е.В. Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века. М., 2012.
- 5 Auge M. Non-places. Introduction to an anthropology of supermodernity. New York, 1995.
- 6 Beck U. Living in the world risk society // *Economy and Society*. 2006. Vol. 35. No. 5. August.
- 7 Fedorak A.Sh. *Anthropology Matters*. Toronto, 2013.
- 8 Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Calhoun C.J. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, 1992.
- 9 Grimes R.L. *Rite Out Of Place: Ritual, Media and the Arts*. New York, 2006.
- 10 Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, 1991.
- 11 Jewitt C., Tiggs T. and Kress G. *Screens and the Social Landscape. Digital Design, Representation, Communication and Interaction // Designed for the 21st Century. Interdisciplinary Questions and Insights / Ed. by Inns T. Aldershot. Hampshire, 2007.*
- 12 Jones G. *Beauty Imagined. A History of the Global Beauty Industry*. Oxford, 2010.
- 13 Luke T.W. *Codes, collectives and commodities // Global Cities, Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age. Ed. by Krause. Lnd., 2003.*
- 14 Perrot Ph. *Fashioning the Bourgeoisie: A History of Clothing in the Nineteenth Century*. Princeton, 1994.
- 15 Polyak L. *Exchange in the Street. Rethinking Open-Air Markets in Budapest // Public Space and the Challenges of Urban Transformation in Europe. Ed. by Madanipour A., Knierbein S., Degros A. N.Y., 2014.*
- 16 Slade Ch. *Global Private Space and Local Public Spheres // Media Communities*. Eds. Hipfl B., Hug Th. Munster; New York, 2006.
- 17 Tonkiss F. *Space, the City and Social Theory Social Relations and Urban Forms*. Cambridge, 2005.
- 18 Verhoeff N. *Mobile Screens: The Visual Regime of Navigation*. Amsterdam, 2012.